

Содержание

Чарльз Диккенс

Веселая рождественская глава,
содержащая отчет о свадьбе, а также
о некоторых других развлечениях, которые,
будучи на свой лад такими же добрыми
обычаями, как свадьба, не столь свято
блюдаются в наше извращенное время 9

Рассказ о том, как подземные духи
похитили пономаря

Перевод Александры Кривцовой
и Евгения Ланна 51

Фрэнсис Брет Гарт

Как Джонни получил нежданно-негаданно
рождественский подарок
Перевод Марии Ловцовой 71

Ги де Мопассан

Ужин накануне Рождества
Перевод С. Б. (1908) 97

Ги де Мопассан
Новогодний подарок
Перевод Наталии Соколовой 107

Роберт Льюис Стивенсон
Маркхейм
Перевод Анны Энkvист 118

Джером Клапка Джером
Трогательная история
Перевод Марии Колтакчи 168

Артур Конан Дойл
История голубого алмаза
Перевод Фёдора Латернера 187

Анатоль Франс
Жонглер Богоматери
Перевод Александра Куприна 211

Анатоль Франс
Валтасар
Перевод Н. Петровой (1908) 221

Анатоль Франс

Крещенский король

Перевод Ивана Аксенова 243

Элинон Глин

Тайна привидения

Перевод Зинаиды Журавской 253

Рафаэль Сабатини

Гобеленовая комната

Перевод Зинаиды Журавской 270

Стивен Батлер Ликок

Ошибки Санта-Клауса

Перевод Деборы Лифшиц 292

Чарльз Диккенс
(1812–1870)

Веселая рождественская глава,
содержащая отчет о свадьбе, а также
о некоторых других развлечениях,
которые, будучи на свой лад
такими же добрыми обычаями,
как свадьба, не столь свято блюдятся
в наше извращенное время¹

*Перевод Александры Кривцовой
и Евгения Ланна*

Оживленные, как пчелы, хотя и не столь легкие, как феи, собрались четыре пиквикиста утром двадцать второго дня декабря того благословенного года, когда они предпринимали и совершали свои похождения, добросовестно нами излагаемые. Приближались Святки со всей грубоватой и простодушной их непосредственностью. Это была пора гостеприимства, забав и чистосердечных излияний; старый год

.....
¹ Главы из романа «Посмертные записки Пиквикского клуба».

готовился, подобно древнему философу, собрать вокруг себя своих друзей и в разгар пиршества и шумного веселья умереть тихо и мирно. Веселое и беззаботное было время, и веселы и беззаботны были по крайней мере четыре сердца среди множества сердец, радовавшихся его приближению.

И в самом деле, много есть сердец, которым Рождество приносит краткие часы счастья и веселья. Сколько семейств, члены коих рассеяны и разбросаны повсюду в неустанной борьбе за жизнь, снова встречаются тогда и соединяются в том счастливом содружестве и взаимном доброжелательстве, которые являются источником такого чистого и неомраченного наслаждения и столь несовместимы с мирскими заботами и скорбями, что религиозные верования самых цивилизованных народов и примитивные предания самых грубых дикарей равно относят их к первым радостям грядущего существования, уготованного для блаженных и счастливых. Сколько старых воспоминаний и сколько дремлющих чувств пробуждается Святками!

Мы пишем эти слова, находясь на расстоянии многих миль от того места, где год за годом встречались в этот день в счастливом и веселом кругу. Многие сердца, что трепетали тогда так радостно, перестали биться; многие взоры, что

сверкали тогда так ярко, перестали сиять; руки, что мы пожимали, стали холодными; глаза, в которые мы глядели, скрыли свой блеск в могиле, и все же старый дом, комната, веселые голоса и улыбающиеся лица, шутка, смех, самые привычные житейские мелочи, связанные с этими счастливыми встречами, теснятся в нашей памяти всякий раз, когда возвращается эта пора года, словно последнее собрание было не далее чем вчера! Счастливые, счастливые Святки, которые могут вернуть нам иллюзии наших детских дней, воскресить для старика утехи его юности и перенести моряка и путешественника, отделенного многими тысячами миль, к его родному очагу и мирному дому!

Но мы так занялись и увлеклись описанием благодатных Святок, что заставляем мистера Пиквика и его друзей зябнуть на крыше магль-тонской кареты, куда они только что взобрались, тепло укутанные в пальто, пледы и шарфы. Чемоданы и дорожные сумки уложены, и мистер Уэллер с кондуктором стараются втиснуть в ящик под козлами громадную треску, непомерно большую для ящика, которая заботливо уложена в длинную коричневую корзинку и прикрыта слоем соломы и каковую оставили напоследок, чтобы она могла с удобством покоиться на полдюжине бочонков с отборными устрицами — собственность

мистера Пиквика, — выстроенных в образцовом порядке на дне ящика. Физиономия мистера Пиквика выражает самый напряженный интерес, пока мистер Уэллер с кондуктором стараются впихнуть треску в ящик, сначала головой вперед, затем хвостом вперед, затем вверх крышкой, затем вверх дном, затем боком, затем в длину; и всем этим ухищрениям неумолимая треска стойко сопротивляется, пока кондуктор случайно не наносит ей удара в самую середину корзины, после чего она внезапно скрывается в ящике, и вместе с нею — голова и плечи самого кондуктора, который, не рассчитывая на столь внезапную уступку со стороны пассивно сопротивляющейся трески, испытывает весьма неожиданное потрясение, к неудержимому восторгу всех носильщиков и зрителей.

Мистер Пиквик улыбается с большим добродушием и, вынимая из жилетного кармана шиллинг, просит кондуктора, который вылезает из-под козел, выпить за его здоровье стакан горячего грогу, причем кондуктор тоже улыбается; улыбаются заодно и мистеры Снодграсс, Уинкль и Тапмен. Кондуктор и мистер Уэллер исчезают на пять минут — по всей вероятности, выпить горячего грогу, ибо от них пахнет очень сильно, когда они возвращаются. Кучер влезает на козлы, мистер Уэллер вскакивает сзади,

пиквикисты закутывают ноги в пальто, а носы в шарфы, конюхи снимают с лошадей попоны, кучер бодро выкрикивает: «Все в порядке!» — и они отъезжают.

Они громыхают по улицам, трясутся по камням и, наконец, выезжают в широкие и открытые поля. Колеса скользят по твердой промерзшей земле, а лошади, при резком щелканье бича переходя в легкий галоп, мчатся по дороге, словно весь их груз — карета, пассажиры, треска, бочонки с устрицами и все прочее — летящее за ними перышко. Они спускаются по отлогому склону и въезжают на равнину в две мили длиною, такую же твердую и сухую, как сплошная глыба мрамора. Снова щелканье бича, и они летят вперед быстрым галопом; лошади встряхивают головами и гремят сбруей, словно опьяненные стремительным бегом, а кучер, держа одной рукой бич и вожжи, другой снимает шляпу и, положив ее на колени, достает носовой платок и вытирает лоб: отчасти потому, что такая у него привычка, а отчасти потому, что не худо показать пассажирам, как он хладнокровен и какое это легкое дело — править четверкой, если есть у вас такой же навык, как у него. Прodelав это неторопливо (иначе эффект был бы в значительной мере испорчен), он прячет носовой платок, надевает шляпу, поправляет перчатки,

оттопыривает локти, щелкает снова бичом, и лошади мчатся еще веселее.

Несколько домиков, разбросанных по обеим сторонам дороги, предвещают въезд в какой-то город или деревню. Веселые звуки кондукторского рожка вибрируют в прозрачном холодном воздухе и пробуждают старого джентльмена в карете, который, заботливо опуская до половины оконную раму и наблюдая погоду, выглядывает на секунду, а затем, заботливо поднимая ее снова, уведомляет другого пассажира, что сейчас будут менять лошадей. Тогда другой пассажир просыпается и решает вздремнуть позднее, уже после остановки. Снова весело звучит рожок и будит жену и детей обитателя коттеджа, те выглядывают из дверей дома и следят за каретой, пока она не заворачивает за угол, а потом снова укладываются возле пылающего в очаге огня и подбрасывают еще поленьев на случай, если сейчас вернется отец; а сам отец на расстоянии доброй мили от дома только что обменялся дружеским кивком с кучером и повернулся, чтобы долгим взглядом проводить экипаж, уносящийся вдаль.

А теперь рожок играет веселую мелодию, карета с грохотом проезжает по скверно вымощенным улицам провинциального городка, а кучер, отстегнув пряжку, скрепляющую его вожжи,

готовится бросить их, как только остановит лошадей. Мистер Пиквик высовывается из воротника пальто и озирается с большим любопытством. Заметив это, кучер объявляет мистеру Пиквику название города и сообщает ему, что вчера был базарный день; и то и другое мистер Пиквик передает своим спутникам, после чего и они высовываются из воротников пальто и также озираются. Мистер Уинкль, который сидит у самого края, болтая одной ногой в воздухе, едва не вылетает на мостовую, когда карета круто поворачивает за угол возле молочной лавки и выезжает на базарную площадь; мистер Снодграсс, который сидит рядом с ним, еще не оправился от испуга, а они уже останавливаются у постоянного двора, где ждут свежие лошади с наброшенными на них попонами. Кучер бросает вожжи и слезает, другие наружные пассажиры спрыгивают — кроме тех, которые, не слишком доверяя своей способности снова взобраться наверх, остаются на местах и, чтобы согреть ноги, колотят ими по карете, обратив тоскующие взоры и красные носы к яркому огню в буфетной гостиницы и к веткам остролистника с красными ягодами, украшающим окно.

Тем временем кондуктор доставил в лавку торговца зерном пакет в оберточной бумаге, извлеченный из маленькой сумки, висящей у него

через плечо на кожаном ремне; позаботился, чтобы старательно запрягли лошадей; сбросил на мостовую седло, привезенное из Лондона на крыше кареты; принял участие в совещании кучера с конюхом о серой кобыле, повредившей себе переднюю ногу в прошлый вторник; и вот уже он с мистером Уэллером устроился сзади, а кучер устроился спереди, а старый джентльмен, сидевший в карете и все время державший окно опущенным на целых два дюйма, снова поднял его; попоны сняты, и все готовы тронуться в путь, кроме «двух полных джентльменов», о которых кучер осведомился с некоторым нетерпением. Вслед за сим кучер, и кондуктор, и Сэм Уэллер, и мистер Уинкль, и мистер Снодграсс, и все конюхи, и все до единого зеваки, превосходящие численностью всех остальных вместе взятых, призывают во всю глотку отсутствующих джентльменов. Со двора доносится заглушенный ответ, и мистер Пиквик с мистером Тапменом бегут, едва переводя дух, ибо они выпили по стакану эля и у мистера Пиквика до того окоченели пальцы, что он целых пять минут не мог выловить шесть пенсов, чтобы расплатиться. Кучер кричит предостерегающе: «Ну-с, джентльмены!» Кондуктор вторит ему; старый джентльмен в карете недоумевает, почему иные люди, зная, что нет времени спускаться с крыши, все-таки

спускаются; мистер Пиквик карабкается с одной стороны, мистер Тапмен — с другой; мистер Уинкль кричит: «Все в порядке!» — и они трогаются в путь. Шарфы натянуты, воротники пальто подняты, мостовая кончается, дома исчезают, и они снова мчатся по широкой дороге, и свежий, чистый воздух обвеваает им лица и радует сердца.

Так совершали свое путешествие мистер Пиквик и его друзья в «Магльтонском телеграфе» по дороге в Дингли Делл. И в три часа пополудни все они стояли в целости и сохранности, здоровые и невредимые, веселые и довольные, на ступеньках «Синего Льва», выпив по дороге вполне достаточно эля и бренди, чтобы презирать мороз, который сковывал землю своими железными цепями и оплетал красивыми кружевами деревья и кусты.

Мистер Пиквик был чрезвычайно занят, он пересчитывал бочонки с устрицами и присматривал за выгрузкой трески, как вдруг почувствовал, что его кто-то тихонько дергает за полы пальто. Оглянувшись, он обнаружил, что человек, который воспользовался этим способом привлечь его внимание, был не кто иной, как любимый паж мистера Уордля, более известный читателям этой неприукрашенной повести под наименованием жирного парня.

— А-а! — сказал мистер Пиквик.

— А-а! — сказал жирный парень.

При этом он перевел взгляд с трески на бочонки с устрицами и радостно захихикал. Он стал еще толще.

— Ну-с, вид у вас довольно цветущий, мой юный друг, — сказал мистер Пиквик.

— Я спал у самого камина в буфетной, — отозвался жирный парень, который за час, проведенный в дремоте, раскраснелся, как новая дымовая труба. — Хозяин прислал меня сюда с тележкой, чтобы отвезти домой ваш багаж. Он выслал бы верховых лошадей, но решил, что день холодный и вы захотите пройтись пешком.

— Да, да, — поспешно сказал мистер Пиквик, ибо помнил о том, как они путешествовали в этих краях. — Да, мы предпочитаем пройтись. Сэм!

— Сэр? — отозвался мистер Уэллер.

— Помогите слуге мистера Уордья уложить вещи в тележку и поезжайте вместе с ним. Мы отправляемся пешком сейчас же.

Отдав это распоряжение и попрощавшись с кучером, мистер Пиквик и его три друга свернули на тропинку, пересекавшую поля, и удалились быстрым шагом, оставив мистера Уэллера и жирного парня впервые лицом к лицу.

Сэм взглянул на жирного парня с большим изумлением, но не проронил ни слова и начал быстро укладывать багаж в тележку, в то время как жирный парень спокойно стоял рядом и, казалось, считал весьма интересным занятием наблюдать, как работает мистер Уэллер.

— Вот! — сказал Сэм, бросая в тележку последний саквояж. — Вот и готово.

— Да, вот и готово, — повторил жирный парень очень довольным тоном.

— Ну-с, молодая туша в двести фунтов, — сказал Сэм, — вы недурной образчик премированного юнца.

— Благодарю вас, — отозвался жирный парень.

— У вас ничего такого нет на душе, что бы вас тревожило? — осведомился Сэм.

— Ни о чем таком я не знаю, — ответил жирный парень.

— А я, глядя на вас, подумал бы, что вы страдаете от безответной любви к какой-нибудь молодой особе, — сказал Сэм.

Жирный парень отрицательно покачал головой.

— Рад это слышать, — сказал Сэм. — Вы что-нибудь пьете?

— Я больше люблю поесть, — ответил жирный парень.

— Так-так! — сказал Сэм. — Следовало бы мне догадаться. Но я вот что имею в виду: не хотите ли чего-нибудь глотнуть, чтобы согреться? А впрочем, вам, должно быть, никогда не бывает холодно с такой жирной прокладкой.

— Иногда бывает, — ответил парень, — и я не прочь чего-нибудь глотнуть, если это вкусно.

— А, так вы не прочь? — сказал Сэм. — В таком случае пожалуйста сюда.

Они тотчас заняли место в буфетной «Сине-го Льва», и жирный парень проглотил свой стаканчик виски, даже глазом не моргнув, — подвиг, который значительно возвысил его в глазах мистера Уэллера. Когда мистер Уэллер в свою очередь покончил с тем же делом, они сели в тележку.

— Вы умеете править? — спросил жирный парень.

— Пожалуй, справлюсь, — ответил Сэм.

— Так вот, — сказал жирный парень, вкладывая ему в руки вожжи и указывая на дорогу, — все время прямо — с дороги не собьетесь.

С этими словами жирный парень, с нежностью взглянув на треску, улегся рядом с ней и, подложив под голову устричный бочонок вместо подушки, мгновенно заснул.

— Вот так так! — сказал Сэм. — Из всех парней, каких мне случалось видеть, этот молодой

джентльмен самый хладнокровный. Эй, про-
снись, пузырь!

Но так как юный пузырь не проявлял никаких признаков жизни, Сэм Уэллер уселся на передок тележки, дернул вожжи, и старая лошадь, тронувшись с места, не спеша затрусила по направлению к Менор Фарм.

Тем временем мистер Пиквик и его друзья, у которых благодаря ходьбе кровь начала энергически циркулировать, весело продолжали путь. Земля отвердела; трава была тронута морозом и шуршала; в воздухе чувствовался приятный, сухой, бодрящий холодок; а быстрое приближение серых сумерек (цвет грифеля более подходит для описания их в морозную погоду) заставило пиквикистов с удовольствием предвкушать тот комфорт, который их ждал у гостеприимного хозяина. Был один из тех дней, какие могут побудить двух пожилых джентльменов в открытом поле снять пальто и начать игру в чехарду исключительно от неподдельной радости и веселья; и мы твердо убеждены, что, подставь мистер Тапмен в этот момент спину, мистер Пиквик принял бы его предложение с величайшей готовностью.

Однако Тапмен не выдвинул такого предложения, и наши друзья, весело беседуя, продолжали путь. Когда они свернули на дорогу, по которой им предстояло идти, гул голосов коснулся

их слуха, и не успели они высказать предположение, кому принадлежат эти голоса, как очутились в самом центре группы, ожидавшей их прибытия, факт, возвещенный пиквикам громким «ура», сорвавшимся с уст старого Уорд-ля, как только они появились.

Прежде всего здесь был сам Уордль, казавшийся, пожалуй, еще жизнерадостнее, чем обычно; засим здесь была Белла со своим преданным Трандлем и, наконец, Эмили и восемьдесят юных леди, явившихся на свадьбу, назначенную на следующий день, и пребывавших в том счастливом и торжественном настроении, в каком обычно пребывают юные леди по случаю таких знаменательных событий; все они оглашали, вдоль и вширь, поля и дороги своими шутками и смехом.

Церемония представления при таких обстоятельствах совершилась очень быстро, или, вернее, с представлением было покончено вообще без всякой церемонии. Две минуты спустя мистер Пиквик шутил с молодыми леди, которые не хотели перелезть через изгородь, в то время как он на них смотрит, а равно и с теми, которые, гордясь красивыми ногами и безукоризненными лодыжками, предпочитали стоять минут пять на верхней перекладине, заявляя, будто они слишком испуганы, чтобы сдвинуться

с места, — шутил с такой непринужденностью и свободой, словно знал их всю жизнь. Следует также отметить, что мистер Снодграсс помогал Эмили значительно усерднее, чем того требовал ужас перед изгородью, хотя последняя была вышиной в целых три фута и у перелаза было положено всего два камня; а некая черноглазая молодая леди в очень изящных сапожках, опушенных мехом, взвизгнула очень громко, когда мистер Уинкль предложил помочь ей перебраться.

Все это было очень мило и весело. И когда трудности, связанные с перелазом, были, наконец, преодолены и все снова вышли в открытое поле, старик Уордль сообщил мистеру Пиквику, что они все ходили осматривать обстановку в том доме, где предстояло после Рождества поселиться молодой чете; при этом сообщении Белла и Трандль покраснелись не меньше жирного парня у камина в буфетной, а юная леди с черными глазками и меховой опушкой на сапожках шепнула что-то на ухо Эмили, а потом лукаво взглянула на мистера Снодграсса; в ответ на это Эмили назвала ее глупышкой, но тем не менее очень покраснела, а мистер Снодграсс, который отличался тою скромностью, какой обычно отличаются гении, почувствовал, как румянец заливает его до самого темени, и пламенно пожелал в глубине своего сердца, чтобы

вышеупомянутая молодая леди со своими черными глазками, со своим лукавством и со своими опушенными мехом сапожками благополучно перенеслась в смежное графство.

Все были счастливы и довольны, шагая к дому, а какой радушный, теплый прием ждал их, когда они явились на ферму! Даже слуги ухмыльнулись от удовольствия при виде мистера Пиквика; а Эмма подарила мистеру Тапмену полузастенчивый, полудерзкий и очень милый взгляд, которого было бы достаточно, чтобы заставить статую Бонапарта, стоявшую в коридоре, немедленно раскрыть свои объятия и заключить ее в них.

Старая леди восседала со свойственным ей величием в парадной гостиной, но она была чрезвычайно раздражена, и поэтому глухота ее весьма усилилась. Сама она никогда не выходила из дому и, подобно очень многим старым леди такого же склада, склонна была считать изменой домашним порядкам, если кто-нибудь осмеливался сделать то, чего она не могла. И — да благословит бог ее старую душу! — она восседала, выпрямившись, насколько возможно, в своем большом кресле, и хотя вид у нее был самый гневный, но, несмотря на это, благожелательный.

— Матушка, — сказал Уордль, — вот мистер Пиквик. Вы его припоминаете?

— Какое это имеет значение! — отозвалась старая леди с большим достоинством. — Не докучайте мистеру Пиквику из-за такой старухи, как я. Теперь никому нет до меня дела, и это вполне естественно.

Тут старая леди потрянула головой и дрожащими руками разгладила свое шелковое платье цвета лаванды.

— Что вы, сударыня! — сказал мистер Пиквик. — Я не могу допустить, чтобы вы отталкивали старого друга. Я приехал сюда специально для того, чтобы побеседовать с вами и сыграть еще роббер; и мы покажем этим юношам и девицам, как танцуют менуэт, раньше чем они успеют стать на сорок восемь часов старше.

Старая леди сдавалась, но ей не хотелось сделать это сразу; посему она сказала только:

— Ах, я не слышу!

— Вздор, матушка! — возразил Уордль. — Полно, полно, не сердитесь, пожалуйста. Вспомните о Белле: ведь вы должны подбодрить бедняжку!

Добрая старая леди расслышала эти слова, ибо губы у нее дрогнули. Но старость имеет свои маленькие слабости, и старушка была еще не совсем умиротворена. Поэтому она снова разгладила платье цвета лаванды и, повернувшись к мистеру Пиквику, сказала: